

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

С
Старые дороги

Н
Новые мосты

П
Перекрестки

Р
Развязанные узлы

Глава 1

Лоренцо

Гладиаторы бывают разные. И школы, в которых мужчин обучают убивать друг друга всеми возможными способами, — тоже¹.

Люди могут сражаться один на один. Могут сражаться один против нескольких людей или группами. Могут сражаться с животными. Могут даже не сражаться, а просто убивать. Расстреливать, словно мишени.

От типа зрелищ и боев отталкивается основная классификация.

Еще многое зависит от типа оружия, которым сражается гладиатор.

Копье, дротики, меч, сабля, сеть, трезубец или вообще боец-двоеручник, который мог одинаково ловко работать обеими руками.

Конный или пеший. В кольчуге или без.

Это основное деление. А дальше начинаются разные тонкости, в которых Энцо еще не разобрался. Впрочем, пока он и не мог этого сделать.

Хотя бы потому, что отвратительно знал араийский язык.

Он старался, он учился, он запоминал слова и звуки, воспроизводил их, выворачивая свой язык, старал-

¹ За основу взята система Древнего Рима. Но упрощенная. (*Прим. авт.*)

ся говорить точно так же, как местные, изо всех сил вслушивался в гортанную жесткую речь.

Зачем?

А затем!

Даже если он завтра погибнет на арене, он умрет не смирившись. Он учит язык врага, чтобы рано или поздно проложить себе дорогу к свободе. Пусть на него смотрят как на дурака. Пусть качают головой, пусть думают, что все зря, что таких было много, очень много...

Не важно!

Плевать на все и на всех.

На сотоварищей по несчастью, на рабов, которых арайцы обильно закупают в разных странах, на слуг, даже на ланисту Зеки-фрая, которого Энцо ненавидел. Хоз-с-с-с-сяин!

Удавил бы мразь, но приходится терпеть.

Ничего, Энцо прошел хорошую школу в лавке. Ах, дядя, единственное, что сейчас может Лоренцо Ферретти, это молиться за вас, а выберется — тогда и на колени встанет, не побрезгует.

Дан.

Перед купцом.

За самое важное, что есть в жизни. За уроки мудрости.

Купец — это не просто купи-продай. Есть и такие, но выше торговцев вразнос они не поднимаются. Или держат лотки на рынке... один, ну два. Не больше.

Потому что купец — это информация, связи, подход к людям, знание человеческой природы, умение разглядеть выгоду и для себя, и для партнера по торговле, объяснить, уговорить, убедить...

Данам этого делать не приходится.

Дан приказал — и ему повинуются. Ему не нужно изворачиваться ужом, чтобы выжить. Конечно, так происходит далеко не всегда, но очень и очень часто. Даны над этим не задумываются вообще.

Останься Энцо обычным даном — погиб бы в школе гладиаторов в первые несколько дней. Или был бы продан евнухам со всеми последствиями. И тогда уж...

Энцо предпочел бы покончить с собой, но не возвращаться домой — изуродованным, опозоренным... в таком случае самоубийство не смертный грех, а доблесть. Еще и врагов бы с собой прихватил побольше.

Постарался бы. Клинком, ядом... да хоть зубами и ногтями! Не важно!

Энцо был племянником купца. И за два года Лаццо сумели многое в него вложить.

Школа гладиаторов.

Что в ней ценится?

Что можно продать арайцам?

Да понятно что! Красивую игру! Красивое сражение!

Яркое, непредсказуемое, интересное... Энцо и так хорош собой, и так умеет обращаться с оружием. Если его немножко подучить, можно ставить на бои. И да.

Ставки.

Тотализатор, который был всегда и всюду.

Об этом говорили гладиаторы, об этом знали слуги. В этом разбирался Энцо благодаря Паскуале. Да, и о таком в семье заходил разговор, правда, применительно к скачкам, собачьим боям или петушиным... вот не думал Энцо сам оказаться в роли собаки. Нет, не думал, не хотел...

Но попал и знал, что именно надо делать.

Ценятся не только те псы, которые приносят победу.

Но и те, которые делают это на определенной минуте, к примеру. Ставки бывают разные. На количество ран, на время, на оружие, на... да на что только не поставишь...

А вот чтобы Энцо мог их оправдать — нужно его учить.

Правда, для этого ему уже пришлось убить человека. Меньше месяца назад.

* * *

Начиналось это так.

Школа гладиаторов представляла собой большое трехэтажное здание.

Внутри — двор. Арена. Большая, окруженная рядом скамеек для простонародья и трибунами для важных данов. Для самых важных, буде те соизволят посетить бои, даже ложи предусмотрены.

Как рассказали Энцо, особым шиком считалось выкупить такую ложу для себя и только для себя. На сезон, на год, на два... Но дорого. Зато потом можно с важным видом вручать друзьям ключ от ложи. Или бросить так небрежно в разговор: да, арендовал. Могу себе позволить.

В Эвроне это были, к примеру, кареты с позолоченными колесами или арайские жеребцы... ничего-то от века не меняется.

Когда на арене не проходили сражения, на ней проходили тренировки.

На первом этаже находились казармы гладиаторов. Хотя казармы — это громко сказано. Скорее, помещение на десять–двадцать человек. У каждого койка, под койкой сундучок с кое-какими вещами, хотя бы с той же набедренной повязкой... Больше им на первой ступени ничего не полагается.

Лучшим гладиаторам отводят отдельную комнату. Имущества у них тоже больше. А самых лучших, говорят, даже в город иногда выпускают.

Энцо без усталости расспрашивал слугу, нещадно коверкая слова, и запоминал, запоминал...

Что ж.

Это его шанс — стать лучшим. Чтобы получить свободный... относительно свободный выход в город. Энцо сразу же отметил для себя эту возможность.

Понятно, что все предусмотрено, что он такой не первый умный. Но что ему могут еще предложить? Какая есть альтернатива? Смириться с происходящим? Подохнуть в первом же бою?

Перебьетесь.

Еще на первом этаже содержали животных. В клетках. С животными тоже требовалось сражаться, а иногда и вовсе их расстреливать. Это называлось венацио, и Энцо решительно не понравилось¹.

Ладно еще — убивать людей.

Человек такая тварь, что и с собой что угодно сделает, и с другими. А животных за что?

Просто — за что?!

За то, что волку или кабану не повезло попасться в руки охотнику или в волчью яму? С-сволочи...

Слуга, заметив отвращение Энцо, махнул рукой и сообщил, что бои с животными достаточно редкие. Если попадется серьезный зверь, вот тогда... А просто так?

Не слишком-то это интересно. Так, толпу разогреть, крови налить... животные стоят дорого. Их надо где-то содержать, кормить, убирать за ними, это все затраты, к тому же нет гарантии, что их поймут к определенной дате или что они до этой даты доживут. Могут ведь и просто лечь и сдохнуть в неволе. Всем назло.

Не кормить же льва через высушенное утиное горлышко?

В основном на арене оказываются быки, коровы, буйволы... легко достать, легко содержать. Ну, еще собаки.

¹ Развлечение древних римлян: травля животных на арене.
(Прим. авт.)

Энцо это комментировать не стал. Гадко.

На втором этаже жил ланиста, то есть Зеки-фрай. Жили тренеры, которые натаскивали гладиаторов. Жили массажисты, повара... обслуга школы.

Третий этаж был отведен под господские покои. Ну или для визита важных гостей.

На памяти слуги такое случалось два раза.

Хозяин гладиаторской школы предпочитал жить в столице, приезжая или присылая управляющего раз в квартал, чтобы забрать прибыль. А гости...

Ну да, два раза.

Арей-бей и Судат-бей.

Оба этих имени слуга произносил так, словно сюда лично небожители спускались. В обращениях Энцо тоже разобрался.

Фрай — уважаемый. Фрая — уважаемая. Своего рода ньоры. Не аристократия.

Бей — что-то вроде дана. К его женам или дочкам никакого особенного обращения нет. По очень простой причине.

Негодник, который осмелится обратиться... да что там! Просто неуважительно поднять взгляд на местных высокородных дам — поплатится содранной шкурой.

Энцо такое и рядом не надо было. Перебьется...

Да и омерзение у него вызывали местные жители. Польститься на кого-то из арайских женщин?

Лучше уж с козой...

Впрочем, эротические представления на арене тоже давали. Раз в десять дней арена открывала свои двери для всех. И были бои, ставки...

Был окровавленный песок, который засыпали свежим, и тела, которые уволакивали с арены крюками... потом их сбрасывали в море.

А что, хоронить, что ли?

Вот еще не хватало! Пусть рыба подкормится.

Были совокупления женщин с ослами, быками, конями... как правило, они кончались смертью женщины, но для этого дела выбирали или рабынь, которых не жалко, которые провинились, или проституток... последних, конечно, реже.

Отношение к неверным у арайцев было, как к животным. Даже хуже — скотину холят и лелеют, она должна пользу приносить. А неверные...

Этих — не жалко.

* * *

Пять дней он просто отъедался и отсыпался. Осматривался и учился.

На шестой день его подняли на рассвете, вместе со всеми. И — началось.

Гладиатор — это не бока пролеживать. Это тренировка и тренировка, это бег вокруг арены, и попробуй поленишься — сразу тебя кнутом! Это поднимать тяжести, это растяжка, это упражнения с мечом...

Все то, что Энцо проделывал давно и упорно вместе с Чезаре и Леоне.

Спасибо вам, учителя. Выберусь — в ножки поклонюсь!

Подготовка Энцо слегка удивила ланисту, который ожидал худшего. Зеки-фрай подозвал к себе дана и принялся расспрашивать.

Энцо отвечал, по возможности честно.

Да, учился.

Да, сражался. С пиратами, с разбойниками... доводилось убивать. Так что ничего нового ему тут не предложат. Вот тогда и...

Зеки-фрай подумал несколько минут, потом приказал увести Энцо с арены к массажисту, накормить, а потом... вечером...

Вечером Энцо снова вернули на арену.

Не одного.

На арене было сложено оружие.

На арене находился Зеки-фрай. И рядом с ним стояли две клетки.

В одной из них грыз прутья волк.

В другой молча сидел мужчина, посверкивая глазами из густых зарослей.

— Ты понимаешь меня, неверный. — Ланиста говорил на арайском. Медленно, отчетливо проговаривая слова. Так Лоренцо действительно его понимал. А вот говорить пока было сложно, пришлось ограничиться коротким:

— Да, Зеки-фрай.

— Выбери себе противника. Бой до смерти.

— Противника? — Наверное, Энцо выглядел глупо.

— Здесь две клетки. С кем ты будешь драться — со зверем или с человеком?

Энцо даже не задумался.

— С человеком.

Дело было не в его отношении, или в жажде крови, или...

Все предельно просто.

Энцо учили драться с людьми. Не с дикими животными. Не с волками. Там наверняка другой подход, другие движения... этому тоже надо учиться. С человеком у Энцо есть хорошая возможность избежать ран. Если он будет драться всерьез, конечно.

А волк?

Хватанет когтями или зубами цапнет...

Понятно, что ран Лоренцо не боялся. И боли тоже. Если он останется в школе гладиаторов, будет и то, и другое. Но... не здесь и не сейчас. Он должен стать достаточно ценным имуществом, чтобы его предпочли лечить, а не добивать. Вот и весь расчет.

Придется для этого убить человека?

Хорошо, он это сделает. Можно подумать, раньше с ним такого не бывало!

- Человек. Твое оружие?
- Чем будет вооружен он?
- Он выберет. Потом.

Энцо задумался еще ненадолго. Потом остановил свой выбор на паре «короткий меч — кинжал». Выбрал, взвесил...

Да, таким его сражаться учили.

Тоже своего рода проверка. Что выберет новичок, как он умеет этим драться... Щит или кольчуга Энцо, видимо, не полагались. Их на арене не было.

То есть любой пропущенный удар — это ранение.

Плохо, очень плохо...

Пока Энцо размышлял, его противник уже вышел из клетки, расправил плечи, потянулся...

Черт побери! В этого монстра можно двоих Энцо уложить. А то и троих... плохой противник. Массивный, квадратный, длиннорукий... вооружение?

Копье.

И владеет он им весьма неплохо, Энцо это видел.

Его собираются здесь убить? Шансов нет?

Или...

А, нет! Шансы у него есть.

Энцо увидел, что у здоровяка серьезная рана на левом бедре. Считай, он будет медленнее двигаться, он более уязвим с левой стороны... почему его выгнали сражаться с раной? Он провинился в чем-то, или он не ранен, или...

Ладно. Пока Энцо настолько не разбирается в местных тонкостях. Но к Зеки-фраю он повернулся и поклонился еще раз.

- Достопочтенный Зеки-фрай...
- Что тебе, неверный?
- Бой до смерти?
- Да. Один из вас не покинет эту арену сегодня.
- Наказания за смерть противника не будет?

Энцо с трудом подбирает слова, путался, но Зеки-фрай понял.

— Тебя не накажут. Этот сын свиньи не победил в бою...

Дальше Лоренцо можно было не объяснять. Ставки, деньги... проигрыш — считай, потеря и убытки. Вот и расплачивается бородач.

Но ему, Лоренцо Феретти, от этого легче не будет. Придется выложиться, иначе ему не уцелеть.

Зеки-фрай сделал шаг назад — и хлопнул в ладоши.
— Бой!

От первого удара копья Энцо едва увернулся. И тут же копьё вернулось, подсекло его под колени...

Ага, попробовало!

Нашли дурака — подставлять родные ноги! Леоне кнутом его давно от такой доверчивости отучил!

Энцо взвился в воздух, пропуская под собой копьё. И не приземлился на него, вот еще пошлости! Это рассказывать хорошо, мол, подпрыгнул я, и всей тяжестью упал на оружие противника, и выбил его. В реальности такие игры кончатся сломанными ногами. Лоренцо перекатился, разрывая дистанцию. Осторожно закружил вокруг противника, нащупывая другие слабые места...

Нет, только нога.

В остальном — ему бы у этого бородача поучиться. Хороший боец, сразу видно.

Долго Энцо не простоять. Он все же после морского путешествия, он давно не тренировался, а бородач жил в хороших условиях...

Жало копья снова прянуло ядовитой змеей. Энцо увернулся, отвел его клинком, перекатился по песку — но уже ближе к врагу. Не разрывая, а сокращая дистанцию.

Неудобно, так что поделаться?

Надолго это врага не задержало, но Энцо не собирался драться честно. Кинжал он выбрал не просто так — его еще и метать можно.

Понятно, от кинжала гладиатор увернулся. А вот от подлого удара ногами по щиколоткам — уже нет. Энцо попросту упал на спину, ну и как дотянулся, так и дотянулся. Получилось неплохо.

Гладиатор свалился, словно подкошенный, Энцо взлетел с песка — и выбил у противника копье.

Приставил клинок к груди, туда, где бешено вздымались ребра, густо поросшие курчавой черной шерстью. Оглянулся на ланисту.

— Достопочтенный?

Если противник думал, что сможет в это время уйти из-под клинка, — зря. Стоило бородачу шевельнуться, как Энцо тут же пнул его по ране, без всякой жалости. Мужчина глухо простонал, но Энцо заставил себя об этом не думать.

Кукла. Это просто кукла.

Не человек. Ступенька к свободе.

Зеки-фрай медленно показал большим пальцем вниз.

— Убей его, неверный.

Энцо замешкался лишь на секунду. Даже меньше — на долю секунды.

Этот человек ни в чем не виноват лично перед ним. Он такой же невольник.

Но...

Прости, брат. Я бы хотел смерти на твоём месте.

Клинок резко пошел вниз.

Тело противника выгнулось — и опало.

— Точно в сердце, — кивнул Зеки-фрай. — Ты хорошо дерешься и не боишься смерти.

Энцо склонил голову. Потом медленно положил на песок меч, как бы подчеркивая, что его работа — выполнена. Все, оружие больше ему не нужно...

Зеки-фрай довольно кивнул. Хороший раб, выгодный. Сразу видно. По первому разу многие боятся уби-

вать. Приходится давить, настаивать... этот не колебался. Видно, что думал, но не колебался.

— Ты не хотел убивать?

— Мне все равно, — коротко ответил Энцо. — Но это был ценный воин.

— Не ценный. Плохой характер, — кратко объяснил Зеки-фрай.

Энцо молча принял объяснения. Что ж, плохой так плохой. Бывает...

— Почему ты не выбрал волка? Почему человек?

Энцо мог бы сказать многое. Обошелся коротким:

— Волк здоров.

Зеки-фрай расхохотался.

— Ты выбрал добычу полегче? Маленький хитрец... — И снова стал серьезным. — Смотри не обмани сам себя.

Энцо молча поклонился.

Он постарается.

Его ждут дома. А сколько человек ему придется ради этого убить... сколько надо — столько и убьет. Жаль, не тех, кого хочется.

* * *

После первого убийства жизнь Энцо сильно не переменилась.

Он так же тренировался, он так же питался вместе со всеми, он так же учил язык. Получалось плохо, но юноша старался.

И после первого месяца обучения Зеки-фрай сообщил Энцо, что завтра его ждет первый бой.

— Да, Зеки-фрай.

Другого ответа у Лоренцо не было. Даже когда тебе сообщают, что завтра ты первый раз выйдешь на арену... Хочется не хочется, а собственного мнения и желаний у раба не предусмотрено. Увы.

В гладиаторской школе Ваффы Энцо жил уже почти месяц. Обычно здесь новичков столько не держали. Дней десять, пятнадцать — и пожалуйте на арену.

Но...

Зеки-фрай решил, что на Энцо можно хорошо заработать.

А почему нет?

Красивый. Тонкий, стройный, светлокожий, с золотыми волосами...

И при этом отлично сражается! На этом можно сделать деньги, а деньги Зеки-фрай любил, искренне и нежно.

— Ты сегодня будешь драться с провокатором.

Энцо кивнул еще раз.

Провокатор. Плохо...

Провокатором назывался преступник, который был осужден на смерть. Но в отдельных случаях таких не казнили — зачем расходовать материал? Их выставляли на арену, и ценой боя для них была жизнь.

Вооружение?

Средний меч и щит. Больше ничего им не полагалось, никакой защиты.

— Чем я буду драться, почтенный?

— Тем, чем привык, — махнул рукой Зеки-фрай. — Кинжал, меч. Доспехов на вас не будет. На нем — нагрудная пластина. На тебе поножи и наручи.

Энцо кивнул.

Ничего, что могло бы его как следует защитить.

Ничего, что будет сильно отягощать или стеснять движения.

Плохо другое. Ему нельзя метить в корпус. А вот противнику все равно, куда бить. И у противника будет щит...

Метательное оружие сразу отменяется.

Плохо...

А никто и не говорил, что будет легко и приятно! Энцо медленно поклонился.

— По вашему слову, достопочтенный.

Зеки-фрай довольно улыбнулся.

Хороший раб. И бой будет интересный. Он посмотрит с удовольствием...

— Как ты хочешь, чтобы тебя назвали? Прозвище?

Энцо удивленно посмотрел на ланисту. Ему уже было известно: прозвище дает толпа, что он и сказал. Зрители... Зеки-фрай хмыкнул.

— Это потом. Но в первый раз тебя надо как-то объявить.

— Просто именем?

— Нельзя. Неинтересно.

— Назовите сами, Зеки-фрай. Вы лучше знаете, что может понравиться людям, — решил Энцо.

И получил довольную улыбку в ответ.

Зеки-фрай действительно это знал. Золотоволосый юноша станет Ангелом. А для кого-то Ангелом Смерти. Что ж, приятно, когда дилетанты не лезут в твою работу. А то начинается...

Великолепный Лев!

Самум Пустыни!

Дикий Вепрь!

ТЬфу, пошлятина. А вот у Энцо может быть большое будущее. Он может принести хорошие деньги, так что...

Зеки-фрай собирался лично проследить за первым боем юного гладиатора.

* * *

— Достопочтенные зрители! Сегодня на арене...

Энцо не вслушивался.

Без него бой все равно не начнется.

Своего противника он не видел. Он с одной стороны арены, противник — с другой. На арену есть несколько выходов, и перед боем тех, кто будет драться, разводят по разным концам. Чтобы не сговорились